

чатырнѣемъ и перепосають въ древній мѣръ. Забываешь Европу съ ея прихотливими удобностями и математическимъ разчетомъ: кажешься, присуствуешь при великихъ шайшествахъ Изиды или Элевзиса: шакъ все мрачно, дико, грозно, разнообразно! Славные лабиринты Критскій и Египетскій вѣроятно были не что иное, какъ обширныя каменоломни. Можешь бышь со временемъ запусыніе овладѣешь Величкою — и преданіе поселишь духовъ шамъ, гдѣ мы пировали.

А. Сабуровъ.

ПОСЛАНИЕ

къ К. Н. Б. Ю . . .

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая мѣръ,
Лишь только на поля, спруясь, дохнетъ Зефиръ,
Лишь только первая позеленѣтъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый пошомокъ Арисшипа,
Къ тебѣ явлюся я; увижу сей дворець,
Гдѣ циркуль зодчаго, цалибра и рѣзецъ
Ученой прихоти швоей повиновались
И, вдохновенныя, въ волшебствѣ соснзались.

Ты позналъ жизни цѣль: счастливый человекъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще пим съ молоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ;
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой Узвѣчашной Жены,
Явился ты въ Ферней, и Циникъ посѣдимый,
Умовъ и моды вождь пропырливый и смѣлый,
Свое владичесшво на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтшвовалъ тебя.
Съ шобой веселосши онъ разпочалъ избышокъ,
Ты лещь его вкусилъ, земныхъ боговъ напишокъ.
Съ Фернеемъ разпросхьясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не просширая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтреннымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ ошравы;
Учене дѣлалось на время швой кумиръ:
Уединился ты. За швой суровый пиръ
То чинитель Промысла, то Скепшикъ, то безбожникъ,
Садился Дидерошъ на шашкѣй свой шреножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ воспоргъ закривалъ
И проповѣдовалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной Аею иль Деисту,
Какъ любопышный Скиез Аеинскому Софисту.
Но Лондонъ звалъ швое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойшвенный соборъ:

Здѣсь нашискъ пламенный, а шамъ отпоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданшвенности новой.

Скучая, можешь бышь, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далъ плышь. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснулъ передъ шобой.
Онъ угадалъ шебя: въ плѣншельныхъ словахъ
Онъ спалъ рассказывать о ножкахъ, о глазахъ,
Объ нѣгѣ шой спраны, гдѣ небо вѣчно ясно,
Гдѣ жизнь лѣнвая проходишь сладосшрасшно,
Какъ пылкѣй, ошрока восшорговъ полный сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядяшь и не спрашась ревниваго Испанца,
Съ улыбкой слушають и маняшь иностранца;
И ты, всшревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣншельный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, шамъ апельсины зрѣють. . . .
О, расскажи жь ты мнѣ, какъ жены шамъ умѣють
Съ любовью набожностъ умильно сочешашъ,
Изъ-подъ мавшильи знакъ условный подавашъ;
Скажи, какъ падаешь письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ злашомъ усыпленъ надзоръ угрюмой шешки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещешъ и кипитъ, окушанный плащомъ.

Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихоръ бури,
Паденіе всего, союзъ Ума и Фурий,
Свободой грозною воздвигнушый законъ,
Подъ гильошиною Версаль и Трианонъ,
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился мѣръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріашель швой Вольшеръ,
Превращиосши судьбъ разишельный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донинѣ спраншшвуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидерошъ,
Энциклопедіи скепшическѣй причешъ,
И колкѣй Бомарше, и швой безносый Касши,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, полки, спрашти
Забышы для другихъ. Смошри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, бывое изшребя.
Свидѣшелями бытъ вчерашняго паденья,
Едва опомшились младыя поколѣнья.
Жесшюкихъ опышовъ собирая поздній плодъ,
Они шоропяшся съ разходомъ свесшь приходъ.
Имъ некогда шушишь, обѣдашь у Темиры,
Иль споришь о спихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечъ едва ихъ могъ.

Одинъ все шощъ же ты. Спустивъ за швой порогъ,
Я вдругъ переносусъ во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и карпинны,
И шройные сады свидѣшельшшуютъ мнѣ,
Что благословшшвуетъ ты Музамъ въ шшинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешъ благородной.
Я слушаю тебя: швой разговоръ свободной
Исполненъ юности. Вліянье красшши
Ты живо чувшшвуетъ. Съ восшоргомъ цѣнишь ши

И блескъ А * * * и прелесть * * * .
 Безпечно окружась Корреджіемъ , Кановой ,
 Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ ,
 Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
 И видишь оборотъ во всемъ кругообразной .

Такъ вихорь дѣлъ забывъ для Музъ и нѣги праздной,
 Въ шѣни сапфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
 Вельможи Римскіе встрѣчали свой закапъ,
 И къ нимъ издалека по воинъ, по Орашоръ,
 То Консулъ молодой, по сумрачный Дикшашоръ
 Являлись день другой роскошно ошдохнушь,
 Вздохнушь о приспани и вновь пущишься въ пушь.

А. Пушкинъ.

Москва, 1830.

ПѢНІЕ МОРЛАКОВЪ.

(Сог. Карла Нодье.)

Представьте себѣ Морлацкаго пѣвца, съ его цилиндрическою шапкой, опоясаннаго шелковымъ вязанымъ кушакомъ, съ книжаломъ въ мѣдныхъ ножнахъ, осыпанныхъ спеклышками, съ длиною трубкою на черешневомъ или ясеневомъ чубукѣ, и въ вязаныхъ сандаліяхъ, когда онъ поетъ *письме* или героическую пѣснь, папгравая на *гусли*, п. е. лрѣ объ одной спрунѣ, ссученной изъ конскихъ волосъ. Обыкновенно вечеромъ Морлакъ прохаживается по горѣ, повѣсивъ въ своей однозвучной, по торжественной пѣснѣ подвиги старинныхъ Бароновъ Славянскихъ. Онъ не видитъ шѣвей праощевъ въ облакахъ, но онъ всегда живущъ вокругъ него. Тѣнь мужа госпепримнаго и вѣрнаго, котораго друзья не смыслили въ совѣщаніи народномъ и который былъ храбръ на войнѣ, спускается на лучъ мѣсяца сквозь вѣтви ясеней, зыблется на муравѣ своей могилы, ласкаетъ ее тихимъ свѣтомъ и снова возходитъ на небеса. Тѣнь злаго человѣка осуждена блуждать по мѣсяцамъ опустѣлымъ; она посѣщаетъ кладбища, выкапываетъ мерпыхъ, или будучи еще дерзоснѣе, выпиваетъ въ покинутой кормилицею колыбели кровь новорожденныхъ младенцевъ. Неразъ устрашенный опецъ встрѣчалъ блѣднаго Вампира съ щепинистыми волосами, съ кровавыми устами, полузакупаннаго въ лахмопья своего савана, и наклонившагося надъ усыпленными малюшками, изъ коихъ онъ неподвижнымъ и спрашнымъ взоромъ избираетъ для себя жертву. Счастливъ, если ему удалось тогда, ударомъ своего *ганцара*, подрѣзать мерпвецу икры; ибо съ той поры онъ уже не выйдетъ изъ своего гроба.

Въ сіи часы колдуны приготавливаютъ свои волхвованія. Онъ пляшущъ по три вмѣстѣ, какъ чародѣйки Мак-

бетовы, произнося ужасныя заклинанія. Онъ-по призываютъ грозу, градъ и бурю. — И когда корабль разбивается о подводныя скалы, тогда часно ихъ виданіи, перескакивавшихъ съ волны на волну и ударявшихъ погою по нѣиспому хребту валовъ.

Сіи чудовища не безчувственны ко власни любви; но ничто не сравнится съ яростью, которую внушаютъ имъ ревность и мщеніе. Миѣ рассказывалъ одинъ старый Морлацкій священникъ, что онъ зналъ молодого человѣка преслѣдованнаго, какъ Сократъ у Апулея, отвратительною страстною Ламіи. — Однажды онъ легъ ночью въ одной компаніи съ своимъ приятелемъ, чтобы защитишь его отъ сего наважденія; и вдругъ почувствовалъ, что и самъ связанъ обаяніемъ, опившимъ у него и движеніе и языкъ; онъ взглянул и видитъ: эпа женщина подходитъ къ постели уснушаго Морлака, открываетъ ему книжаломъ грудь, вырываетъ сердце и жаритъ его на угольяхъ, потомъ съедаетъ его еще почти облиное кровью, приплывая съ звѣрскою радостью. По совершеніи колдовства, чародѣйка исчезла въ темнотѣ; несчастный проснулся съ опустѣлой грудью и умеръ.

Посреди сихъ-по чудесъ идетъ мой Поэтъ; ибо онъ также Поэтъ и не ограничивается повпореніемъ пѣсень извѣстныхъ. Сладость его звучнаго языка, свобода сложения, не допускающаго ни упоминельнаго однообразія неизмѣнной *цезуры*, ни одозвучнаго украшенія рифмы, дозволяющъ ему повиноваться всѣмъ его вдохновеніямъ, и украшать своими мыслями древною балладу, дошедшую до него по преданіямъ. Часно даже случается, что вдохновенный пѣвецъ придѣлываетъ новую спрофу къ спрофу, слышимой имъ съ другой горы; и оба пѣвца ошпанавливаются и спорятъ между собою въ поэтическомъ изобрѣшеніи, по примѣру паспуховъ Виргиліевыхъ. Они еще и въ томъ отношеніи сходны съ соспязующимися паспухами древнихъ буколикъ, что обыкновенно оканчиваютъ пѣніе похвалою своей пѣсни; и сія послѣдняя часть Илирійской поэмы измѣняется по отношеніямъ и положенію рассказчика, что совершенно согласно съ природой. Весьма однакоже странно, что съ перваго взгляда въ пѣсни дикаго Поэта встрѣчается Горацианское *Feriam sidera*.

Илирійскій Поэтъ не споритъ о палатѣ за козу или за красивый, хитро изукрашенный кубокъ, какъ пѣвцы Сициліи и береговъ Манчіо; но самый знаменитый своими пѣснями удостоился первенствовать въ сельской пляскѣ. Вокругъ него собирается коло, п. е. кругъ; онъ его одушевляетъ игрою своей волюшки или звучнымъ своимъ голосомъ; онъ умножаетъ, усиливаетъ, ускорляетъ мѣру; веселость превращается въ восторгъ, въ испугленіе; испугленіе успукаетъ мѣсто упоминенно, и изнеможенные плясуны падаютъ вокругъ Поэта. Замѣчательно, что спросишь къ пѣнію, поэзи и пан-